

DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-31-42

УДК 392.6"18/19" (=512.111)

ББК 63.521 (=635.1)

Г.А. НИКОЛАЕВ

К ВОПРОСУ ОБ АСОЦИАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ ЧУВАШСКИХ КРЕСТЬЯН ВОЛЖСКОЙ ДЕРЕВНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ключевые слова: чувашская деревня, капитализм, парни и девушки, брак и семья, сожителство, поверья, мифологический персонаж Эсрел.

До 1917 г. нерусским волжским народам частью современников приписывалось асоциальное поведение в семейно-брачной сфере. Некритическое использование подобной информации отдельными современными исследователями бросает тень на историческое прошлое этнических сообществ. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена необходимостью объективного освещения повседневной жизни многонациональных волжских аграрных социумов.

Цель исследования – показать действительную картину взаимоотношений молодых людей до брака и поведения супругов в семейной жизни в чувашской деревне.

Материалы и методы. Источниками исследования послужили этнографические записки, свидетельства, воспоминания и письма современников. Выбранные для анализа сюжеты автором изучаются на основе применения системного, историко-сравнительного и историко-антропологического подходов и учета восприимчивости хлебопашацки реалий действительности в аспекте «свой-чужой».

Результаты исследования. В статье подробно разбирается случай, связанный с некритическим использованием современным исследователем содержащейся в некоторых исторических источниках субъективной информации о половой распущенности чувашей волжской деревни в эпоху капиталистической модернизации. В ней приводится убедительный документальный материал, опровергающий подобные аналитические конструкции служителей православного культа и отдельных блюстителей нравственности. Показывается, что такие ложные построения имеют в своей основе неправомерное применение ревнителями христианства норм морали и нравственности монотеистической традиции для оценки реалий повседневной действительности политеистов и «двоеверов». Отмечается, что во второй половине XIX – начале XX в. асоциальное поведение чувашских крестьян в семейно-брачной сфере было редким явлением, хотя и имело тенденцию к некоторому росту. На основании привлеченных автором свидетельств отношение членов сельских обществ к распутникам предстает жестким и нетерпимым. Опровергается утверждение о связи асоциального поведения юношей и девушек до брака с традиционными верованиями этноса. Назидания, оставленные молодым людям и семейным парам из мировоззренческих установок этноса, характеризуются как моральные и глубоко нравственные.

Выводы. В эпоху капиталистической модернизации молодые люди и семейные пары в чувашской деревне в своем поведении в семейно-брачной сфере, за редким исключением, руководствовались принципами нравственности и добропорядочности.

Введение. Гуманитарная научная аудитория по-разному реагирует на выходящие из печати новые историко-этнографические изыскания. Восприятие ею выполненного труда обычно бывает позитивным. Хотя и редко, но случается, что она находит содержащиеся в таком сочинении положения спорными. Если же работа или некоторые ее заключения задевают за живое коллег по цеху, то их реакция на подобный историографический вызов не заставляет себя долго ждать. Так, в начале XX в. вскоре после выхода в свет очерка С.К. Кузнецова «Культе умерших и загробные верования луговых черемис» [4. С. 67–90; 5. С. 56–109], где автор, коснувшись вопроса взаимоотношения полов у мари, отметил, что молодые люди из их среды в пореформенное время

якобы чуть ли не повсеместно вели распутную жизнь [5. С. 90–94], марийский этнограф В.М. Васильев опубликовал специальную статью, квалифицировав сделанные предшественником обобщения о нравах этноса недоказанными и имеющими мало что общего с действительностью [1. С. 92–115].

Внешним толчком к написанию настоящей статьи для нас, как и для В.М. Васильева, по случайному совпадению стал тот же пресловутый вопрос о половой распущенности крестьян, живших в волжской деревне в эпоху капиталистической модернизации. В 2017 г. коллега по цеху Ф.Н. Козлов подготовил и издал сборник документов о христианском просвещении чувашского народа в последней трети XIX – начале XX в. [27]. Он получился добротным, содержащим богатый материал по выбранной проблематике. Единственное, что совсем не устроило нас, это комментарии составителя, имеющие отношение к сексуальному поведению чувашских крестьян.

При изучении обыденного быта чувашской деревни рассматриваемый нами сюжет, надо полагать, из-за его деликатности исследователями освещался лишь вскользь. В самых общих чертах он затронут в трудах К.П. Прокопьева [25. С. 11], В.К. Магницкого [6. С. 142], Г.И. Комиссарова [3. С. 392], О.В. Егоровой [2. С. 20, 25, 29, 37], А.К. Салмина [26. С. 261–263] и др. Из современных авторов выраженный интерес к теме, помимо упомянутого уже нами Ф.Н. Козлова, проявляет И.Г. Петров. В написанной им статье поведение чувашских девиц до брака показано в контексте ритуала первой брачной ночи [24. С. 144, 145, 151, 152].

Актуальность освещаемой темы обусловлена необходимостью объективного освещения повседневной жизни многонациональных волжских аграрных социумов.

Цель исследования – показать действительную картину поведения чувашей в семейно-брачной сфере.

Материалы и методы. В распоряжении историков и этнографов имеется внушительный корпус материалов, проливающих свет на соблюдение жителями чувашских сел и деревень брачно-семейных норм в эпоху рыночных реалей. В их ряду по информативности и разноплановости особое место занимают этнографические записки и сочинения, исходящие из среды самих членов сельских обществ. Они отложились главным образом в рукописных собраниях Н.И. Ашмарина и Н.В. Никольского, хранящихся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук [10–21]. В текстах, вышедших из-под пера служителей православного культа и чиновников разного уровня, сведения о данной сфере повседневной жизни крестьян подаются как в негативном [6], так и позитивном ключе [29]. Опосредованно интересующая нас тема получила отражение и в памятниках устного народного творчества этноса [28]. Взятые в совокупности, перечисленные исторические источники, разумеется, при критическом подходе к ним, позволяют решить поставленную нами исследовательскую задачу. В статье применялись системный, историко-сравнительный и историко-антропологический методы, а также учитывалось восприятие хлебопашцами реалей действительности в аспекте «свой–чужой».

Результаты исследования. В опубликованном Ф.Н. Козловым сборнике документов «Христианское просвещение чувашского народа в оценке духовных лиц: документы и материалы последней трети XIX – первых десятилетий XX вв.» вопрос о сожительстве мужчин и женщин вне брака у чувашей являет собой лишь прикладной сюжет [27]. Он получил освещение в небольшом числе

размещенных источников. Из них нами выбраны те информационные единицы, к которым составителем даны комментарии о половом поведении соплеменников в эпоху рыночных реалий – № 52 и 57. Первый такой документ принадлежит священнику, скрывшему свои имя и фамилию под четырьмя буквами – А. Ф-ов. Его доклад о религиозно-нравственном состоянии чувашей был прочитан 30 января 1912 г. на общем очередном собрании Буинского отделения Симбирского братства Трех Святителей. Служитель православного культа, опираясь на свои наблюдения и сообщения других священников, учителей и прочих лиц, утверждает, что якобы в Буинском и Симбирском уездах Симбирской губернии в чувашских деревнях «почти повсеместно» было распространено «внебрачное сожительство жениха и невесты супружескою жизнью»: «жених в явочном порядке уводит в свой дом невесту, сыграют свадьбу и живут невенчанно довольно долгое время, иногда по несколько недель, месяцев или даже по 1–2 года». Одновременно он подчеркивает, что «падение девушки до вступления в законный брак среди чуваш не рассматривается как тягчайший грех перед Богом и позор перед людьми», что иная из них «до вступления в законный брак успевает побывать замужем за 2–3 мужчинами». Им также отмечено, что в среде мужчин «сильно распространено прелюбодеяние на стороне, даже и при наличии у них законных жен», что «бывают даже случаи “женишьбы” или “выхода замуж” при наличии законной жены или законного мужа» [27. С. 257–263].

Документ № 57 вышел из-под пера известного русского церковного историка, священника церкви с. Кошлоуши Ядринского уезда Казанской губернии Н.А. Архангельского. Вынесенный в заголовок настоящей публикации сюжет в нем затронут лишь опосредованно. Характеризуя религиозно-нравственную ситуацию в среде чувашей, вскользь служитель православного культа коснулся и причин ухода чувашских девиц в монастыри. К таковым он причислил: неприятности в семье; неудовлетворенную любовь; разочарованность в жизни; обстоятельства, случающиеся по интимным причинам [27. С. 287–289].

Из первого комментария, данного Ф.Н. Козловым к отдельным положениям документа № 53, явствует, что он полностью разделяет мнение священника А. Ф-ва о половой распущенности и безнравственности чувашей Буинского и Симбирского уездов Симбирской губернии. Не можем не отметить весьма оригинальный прием подачи текста коллегой для убеждения читателя в оном. Зачином к разговору о религиозно-нравственной ситуации служит мнение диакона церкви чувашского села Чутеево Цивильского уезда Казанской губернии В.И. Миролубова о том, что «целомудрие чуваша считают верхом совершенства девицы» [9. С. 19]. Но тут же составитель подчеркивает, что он лишь единожды столкнулся при работе с историческими источниками с подобным утверждением. Остальные факты, выявленные им, сообщает он, «говорят об обратном». В качестве аргументов Ф.Н. Козлов приводит трактовки священнослужителей о якобы широком распространении «незаконного сожительства» в среде чувашей [27. С. 375, 376]. Вывод отсюда напрашивается сам собой: населенных мест, где целомудрие чуваша считали верхом совершенства девицы, было в разы меньше, чем сел и деревень, где на этот счет они придерживались иного мнения.

Не менее оригинален составитель и во втором комментарии, данном к документу № 53. Он призывает не трактовать упрощенно содержащиеся в докладе священника А. Ф-ва факты только как свидетельства о половой распущенности

и безнравственности чувашей. По его мнению, «ранее лишение девственности девицы или юноши было продиктовано не только и не столько физиологической потребностью, сколько мировоззренческими установками этноса» [27. С. 376]. Утверждение составителя имеет своей основой оценки духовными лицами одного весьма любопытного памятника устного народного творчества. Так, согласно поверью чувашей, умершие девственницами чувашские девицы на том свете становились женою духа смерти Эсрел. На взгляд отдельных ревнителей православия и некоторых священнослужителей, чтобы избежать этой печальной участи, якобы девушки еще до замужества старались вступать с кем-нибудь в интимную связь [8. С. 64]. Ф.Н. Козлов полностью солидарен с подобной позицией [27. С. 376, 377]. Таким образом, «безнравственное поведение» девиц им возведено, ни больше ни меньше, как бы в ранг ментальности чувашского этноса. Отметим также, что в комментарии к положению документа № 57, касающемся причин ухода чувашских девиц в монастыри, составитель чуть ли не слово в слово повторяет ранее высказанные им мысли о религиозно-нравственной ситуации в среде этноса [27. С. 380, 381].

Во второй половине XIX – начале XX в. супружеские пары в чувашских деревнях действительно формировались и в результате приводов женихами в свои дома невест «в явочном порядке». Речь в данном случае почти всегда идет о браках, заключавшихся после умыкания девиц. В основе «краденных свадеб» лежали и здоровый прагматизм, и холодный расчет, и протест против власти отцов, и эгоизм, и жестокосердие. Отметим, что часть подобных актов совершалась, как бы это и ни звучало несколько неожиданно для современного поколения соплеменников, со взаимного согласия семей брачующихся. Цель совершаемого действия – избежать больших расходов на устройство свадебного пира по всем традиционным канонам. Чтобы убедить членов сельского общества, что проводимое стороной жениха скромное торжество есть не что иное, как вынужденная мера, следующая из сложившейся жизненной ситуации, перед ними разыгрывался целый спектакль. Под каким-нибудь надуманным предлогом родители невесты отлучались из дома. В их отсутствие в заранее оговоренное время в условленном месте их дочь «похищалась» бравыми молодцами. Вскоре в каком-нибудь амбаре близлежащей деревни наскоро совершался обряд одевания невесты, после чего она оказывалась в избе, где сразу же начиналось пиршество. Спустя несколько часов свадебный поезд отправлялся в дом жениха, где и завершалось наскоро организованное торжество. Отец невесты, заявившийся через день-другой якобы с претензией к молодым, для вида пожурив свою дочь, шел на мировую [13. Л. 676]. Некоторые похищения невест были порождены эгоизмом родителей девицы [17. Л. 41, 42]. Не получив от последних добро на брак, влюбленный молодой человек с согласия невесты организовывал ее фиктивное похищение. Последнее и наскоро организованная свадьба проходили вышеописанным же порядком. Отличие состояло лишь в том, что тесть и теща не сразу шли на примирение с новым зятем [21. Л. 288–300]. Не имея возможности заплатить за невесту в запрашиваемом объеме калым, иной бедный жених не находил ничего лучше, как силой увести понравившуюся особу и «держат ее день-другой у себя». Узнав о случившемся, во избежание нехороших пересудов в сельском обществе, родители девушки вынуждены были выдать свою дочь за горе-жениха или совсем без выкупа, или же сократив его размеры [12. Л. 32, 33]. За редким исключением, так поступали они и тогда, когда жених, похитив их дочь, совершал над ней «полнейшее насилие» [25. С. 35].

Попытка измерить общим аршином явления полярного порядка – занятие, как известно, не только неблагодарное, но и заведомо проигрышное. Служители православного культа, оценивая образ жизни, обычаи и традиции чувашей через оптику монотеистической традиции, выставляли их культурное поле, естественно, в кривом зеркале. Вступив в эпоху капиталистической модернизации номинальными христианами, представители этноса в своем большинстве еще только шли к устойчивой вере. Скрепление брачных уз по языческим нормам чуваша находили необходимым актом, открывающим путь к семейному счастью: в их представлении только после выполнения традиционного брачного ритуала и только после возложения на голову невесты *сурпана* (головное покрывало замужней женщины в виде полосы белого тонкого холста. – Г.Н.) молодые могли вступать в супружеские отношения [25. С. 11]. Таким образом, причисление к прелюбодеям язычников и «язычествующих» крестьян из чувашей, создающих семейные союзы по стародавним обычаям, с научной точки зрения неверно, ибо оно искажает реальную действительность. Необходимо учесть и следующее обстоятельство: «двоеверы», сыгравшие свадьбу по традиции своих дедов и отцов, спустя день-другой или несколько недель шли в храм венчаться. Лишь единицы из них совершали браковенчание в более поздние сроки.

Теперь слово о нравственности чувашских хлебопашцев. Деревня являет собой специфическое социальное пространство. Здесь каждый житель с момента рождения до самого ухода из жизни был у всех на виду. Из рассказов отцов и матерей юноши и девушки хорошо знали, как долго жили ушедшие в иной мир их близкие родственники, кто из них пользовался уважением в сельском обществе, чем прославил себя тот или иной род в округе и т.д. Сельчане были в курсе всего того, что происходит в их малом сообществе в текущее время. Вне внимания крестьянского «мира» не оставалось ни одно сколько-нибудь значимое событие, происшествие и, само собой разумеется, поведение в семье и за ее пределами отдельно взятых лиц. Одних людская молва хвалила, других – хулила. Молодые люди прекрасно осознавали, что их будущая жизнь зависит и от той репутации, которую они имеют в среде односельчан. Мало кто из парней и девиц хотел ударить в грязь лицом перед средним и старшим поколениями. Им хорошо было известно, что чужак, перед тем как женить сына или выдать дочь замуж, наводит справку об их потенциальных брачных партнерах и за пределами своего села [17. Л. 57, 58]. Мотив, что удачная женитьба или удачное замужество напрямую связаны с добрачным поведением юношей и девушек, получил отражение и в свадебном ритуале этноса. Невеста, которая вела себя до венца непорочно, на свадьбе не без гордости причитала [25. С. 53]:

*Шурă чăлха сырмарăм,
Арама тухса лармарăм,
Яла тухса сўремерём,
Атте питне пёсертмерём,
Хамăн ята ямарăм.*

Белые чулки не надевала я,
На улице не расслаживалась я,
По деревне не разгуливала я,
Отца краснеть не заставила я,
Имени своего не запятнала я.

Современный исследователь имеет в своем распоряжении предостаточно материала, характеризующего повседневную жизнь волжской деревни в рассматриваемое время в самых разных ракурсах. Он не оставляет никаких сомнений в том, что в абсолютном своем большинстве юноши и девушки из чувашей вели себя до брака весьма благопристойно. На рубеже XIX–XX вв.,

наблюдая над поведением молодых людей в Ядринском уезде Казанской губернии – конкретно в с. Александровское и его округе, священник Михаил Громов, в частности, сделал следующее обобщение: «Весьма много было и есть молодых людей, отличающиеся кротостью, воздержанием, целомудрием. Последняя добродетель может быть приписана всем молодым мужчинам, живущим дома, и всем девицам. Распутство в приходе составляет чрезвычайно редкое явление» [18. Л. 252]. Такого же плана и наблюдение жителя д. Апанасово-Темяши Тетюшского уезда Казанской губернии: «Нравственность у чуваш вообще охраняется очень строго, и проступки женщин и девушек против чести составляют весьма редкое исключение» [12. Л. 33]. В с. Моргауши Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, как явствует из этнографических записок Иллариона Алексеева, сожителство вне брака также считалось безнравственным поступком и имело «случайный характер». Отношения парней и девиц на зимних посиделках, проводившихся здесь в крестьянских жилых помещениях, не выходили за рамки морали и нравственности: «на этих собраниях свобода полового общения не допускается». Молодых людей отличало стремление вступить в брак с невинными девушками [15. Л. 33, 34]. В с. Мижеркасы Курмышского уезда Симбирской губернии в невесте ценились «дородство, способность к работе, *соблюдение чистоты девственности* (курсив наш. – Г.Н.), послушливость, покорность, достаточность роста и имущества» [15. Л. 157].

И вступив в брак, мужчины и женщины в чувашской деревне в последующей супружеской жизни, за исключением отдельных семейных пар, руководствовались принципами добропорядочности и нравственности. В воспоминаниях уроженца д. Кошки-Новотимбаево Буинского уезда Симбирской губернии И.Я. Яковлева (1848–1930), вошедшего в историю этноса и страны как выдающийся педагог-просветитель, читаем: «Во время моего детства и юности разврата среди чуваш не замечалось, хотя многие жили, не венчаясь в церкви, как мужья и жены» [29. С. 65]. Из с. Большие Яльчики Тетюшского уезда Казанской губернии в начале XX в. сообщалось: «Жена у чувашей, как и у других народов, составляет неотъемлемую собственность мужа. Муж, как глава семейства, а жена представляет из себя помощницу (спутницу) жизни во всех делах на протяжении всей жизни... Если и имеются среди них нарушители гармонии семейной жизни, то это исключение, по выражению верной пословицы: “семья не без уroda”... Даже входить в мелочные разговоры женщине с посторонним мужчиной считается, если и непредосудительным, то, по крайней мере, неблагопристойным» [21. Л. 436, 437]. На основе личных наблюдений и сообщений корреспондентов Казанской, Самарской и Симбирской губерний священник Константин Прокопьев также пришел к заключению, что «разврат сильно осуждается» чувашами и «встречается между ними как редкое явление» [25. С. 11].

К лицам, ведущим развратный образ жизни, чувашские крестьяне причисляли молодых людей, кто до вступления в законный брак состоял в любовной связи с противоположным полом [13. Л. 676]. В их число они включали также женатых мужчин и замужних женщин, имевших половых партнеров на стороне, вдовцов и вдов, состоявших в сожителстве соответственно с посторонними женщинами и мужчинами [14. Л. 17; 21. Л. 307]. Распутники не только не пользовались никаким авторитетом в сельских обществах, но и презирались их членами [21. Л. 437]. Сожителство вне брака и нарушение супружеской верности хлебопашцами воспринималось как преступное деяние: «Тяжкими преступлениями

считаются святотатство, *ачасен пайне вӑрлани* (нанесение материального ущерба малолетним) и *блуд* (курсив наш. – Г.Н.)» [19. Л. 347]. На прелюбодеев смотрели как на людей, запятнавших несмываемым позором не только свое имя, но и честь семьи и рода. В неурожайные годы блудники подвергались публичному осрамлению: «многого мужа и мнимую жену обливают водой» [14. Л. 17]. Открытое сожителство мужчины и женщины, как правило, пресекалось крестьянской общиной, порой в очень жесткой форме [19. Л. 351]. Особенно непереносимо было сельское общество чувашей к вольному поведению девиц. В случае, когда в результате любовной связи молодого человека и девушки на свет появлялся ребенок, то бесчестье падало почти всецело на последнюю [13. Л. 676]. В Козьмодемьянском уезде Казанской губернии, в частности в с. Моргауши и его округе, девицы, родившие вне брака, могли выходить замуж только за вдовцов [15. Л. 34].

Общие черты поведения жителей чувашской деревни до брака и в супружестве нами рассмотрены. Теперь самое время перейти к сюжету о связи брачно-семейных норм этноса с их мировоззрением и мировосприятием. Заметим, что интерес современников к данному вопросу подстегнул инспектор народных училищ, член-сотрудник Казанского общества археологии, истории и этнографии В.К. Магницкий, опубликовав спустя два десятилетия после отмены крепостного права насыщенную конкретикой книгу «Материалы к объяснению старой чувашской веры» [6]. В ней приведен ряд поверий, в том числе и связанных с интересующим нас духом смерти Эсрел. Из них следует, что умершие холостыми мужчины на том свете должны будут жениться на дочерях духа смерти, а умершие девственницами девушки – должны будут выйти замуж за самого духа смерти [6. С. 141, 258]. Назидание, следующее из данного ряда памятников устного народного творчества его носителям, только одно: юноши по достижении брачного возраста должны завести семью, а девушки – выйти замуж и родить ребенка. Весьма примечательно, что некоторые тексты об Эсрел завершаются именно таким наставлением представительницам прекрасного пола: «всякая девица должна выйти замуж и родить ребенка» [6. С. 141; 29. С. 242]. Таким образом, поверья данного ряда являют собой не что иное, как социально-психологический «кнут», призванный формировать у подрастающего поколения добропорядочное и нравственное поведение до брака. Попутно заметим, такую же функцию в отношении сексуального поведения членов общности несли не только поверья этноса, но и другие жанры фольклора. В одной из свадебных песен, к примеру, поется [16. Л. 126]:

<i>Хёрлӗ сапан ҫакакан,</i>	Носящие красный фартук,
<i>Вартан ясар пулать, тет.</i>	Говорят, бывают распутными.
<i>Хёрлӗ сапан ан ҫакӑр,</i>	Не носите красный фартук,
<i>Вартан ясар ан пулӑр.</i>	Не будьте распутными.

Именно принципами добропорядочности и нравственности руководствовалось абсолютное большинство молодых людей из чувашей, вступая во взрослую жизнь. Защищая этнокультурное поле сородичей от социально-психологических выпадов инациональных современников, чувашский священник Д.Ф. Филимонов в своем пространном письме от 15 июня 1885 г. директору Казанской учительской семинарии Н.И. Ильминскому совершенно правомерно отмечал, что «в отношении нравственности у чуваш замечательны почитание родителей и старших, супружеская верность, трудолюбие и терпеливость» [22. С. 302].

По свидетельству И.Я. Яковлева, в среде его соплеменников вообще не принято было говорить «о таких сторонах половой жизни, которые должны составлять тайну». Сам он, сохранивший «до седых волос стыдливость и целомудренность в разговорах», русских мужчин, не поступающих подобным образом, причислял к отвратительным типам [29. С. 484]. Священник с. Мусирмы Цивильского уезда Казанской губернии Даниил Филимонов находил чувашских девиц «в высшей степени застенчивыми» [22. С. 312]. Действительно, очень сложно представить ситуацию, чтобы молодая особа, находящаяся в здравом уме, делилась еще с кем-то информацией о своем поведении в интимной сфере. Таким образом, сообщения и утверждения ревнителей православия и служителей православного культа о вступлении чувашских девушек в любовную связь до брака именно из-за страха после смерти оказаться женой духа смерти Эсрел есть не что иное, как грязные измышления, не имеющие ничего общего с реальной действительностью. Но не только. Они являют собой и намеренное действие монотеистов, направленное на очернение культурного поля политеистов. Так, в представлении учителя с. Подлесное Цивильского уезда Казанской губернии В.И. Соловьева всякий стойкий приверженец язычества являлся либо пьяницей и конокрадом, либо вором и прелюбодеем [20. Л. 137]. Священник с. Вомбукасы Чебоксарского уезда Казанской губернии Павел Велтистов со ссылкой на В.К. Магницкого всерьез утверждал, что в чувашской общине поощряется «лишение девицами себя девственности» [23. С. 48]. Что касается самого этнографа, то он, по собственному его признанию, «развращающее влияние» поверий об Эсрел на поведенческий стереотип представитель этноса «не имел случая расследовать» [7. С. 218]. Правда, возможность одного он все же не отрицал: «истинная причина его (то есть асоциального поведения девушек. – Г.Н.) «едва-ли не в религиозных верованиях» [6. С. 142].

Дотошный знаток устного народного творчества этноса вправе поставить перед нами следующий вопрос: если абсолютное большинство девиц до брака вело себя благопристойно, то как объяснить наличие в чувашских песнях строк, высвечивающих их поведение в самом неприглядном свете? Действительно, таковой материал, хотя и не широко, в устном народном творчестве этноса представлен. В одном из текстов, записанном на рубеже двух веков в д. Илгышево Ядринского уезда Казанской губернии, к примеру, находим [11. Л. 266]:

<i>Пахчин, пахчин купӑсти,</i>	Огородами, огородами капуста,
<i>Сакӑр качака юлашки.</i>	Восьми коз объедки.
<i>Ҷакӑ ялӑн хӑрӑсем,</i>	Этой деревни девицы,
<i>Сакӑр каччӑ юлашки.</i>	Восьми парней любовницы.

Предстоящей из подобных песенных строк картине есть свое объяснение. Охаивание девиц соседней деревни в весьма грубой форме не имеет ничего общего с нравственной ситуацией в ней. Дело вот в чем. Чувашское крестьянство проживало в составе локальных сообществ – соседских общин. Это обстоятельство накладывало глубокий отпечаток на мировоззрение и мировосприятие их членов. Будучи плоть от плоти детищем названного замкнутого социального организма, хлебопашцы воспринимали живущих за пределами своей деревни людей – в первую очередь жителей окрестных селений, особым образом: погружали их в стан «чужих». Возвышая социальное пространство собственного села, они намеренно помещали в кривое зеркало обывателей соседних населенных мест. Для наглядности приводим текст свадебной песни,

который исполнялся в конце XIX в. в с. Богатырево Ядринского же уезда. В нем представлены и «свои» (*пирён ял*), и «чужие» (*çакă ял*) [10. Л. 16]:

<i>Çакă ялта çёр хёр пур,</i>	В этой деревне сто девушек есть,
<i>Виçё пусран мали çук.</i>	Дороже трех копеек нет.
<i>Пирён ялта хёрсем пур,</i>	В нашей деревне девушки есть,
<i>Çёр тенкёрен кайи çук.</i>	Ниже ста рублей нет.

Выводы. Со вступлением чувашской деревни в эпоху рыночных реалий прежний уклад жизни в ней стал разрушаться. В ее социальное пространство хлынули новые порядки и пороки. И вольное поведение молодых людей до брака, и сожителство супругов с противоположным полом вне семьи, имевшие прежде в ней место как единичные явления, постепенно стали расти. Вместе с тем ситуация с соблюдением норм морали и добропорядочности в семейно-брачной сфере в среде хлебопашцев отнюдь не была столь острой, как ее изображали отдельные ревнители православия и некоторые священнослужители. Крестьянский «мир» строго следил за нравственностью в сельских обществах и принимал необходимые меры воздействия к тем лицам, кто не считался со сложившимся укладом повседневной жизни.

Приписываемая чувашам некоторыми исследователями и блюстителями нравов половая распущенность является надуманной аналитической конструкцией. Надежный и проверенный способ избежать спорные и неверные обобщения в научных изысканиях – критическое отношение к содержанию привлекаемого материала. Скрепление семейных уз язычниками и «язычествующими» крестьянами на основе свадебных ритуалов дедов и отцов ни сами брачующиеся, ни члены их сельских обществ не причисляли к распутству. Более того, чувашаши в своем большинстве находили данное действие проверенным временем шагом, открывающим путь к семейному счастью. «Двоеверы» же из их числа, кто сразу, кто спустя некоторое время, совершали и обряд браковенчания. В свете имеющихся исторических источников неверным представляется также и утверждение, что асоциальное поведение молодых людей в рассматриваемое время было связано с традиционными верованиями этноса.

Литература

1. *Васильев В.М.* Отношение черемис к половой распущенности // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1915. Т. 19, вып. 1–3. С. 92–115.
2. *Егорова О.В.* Родильные обряды и поверья у чувашей // Этнология религии чувашей / науч. ред. А.К. Салмин; ЧГИГН. Вып. I. Чебоксары, 2003. С. 16–58.
3. *Комиссаров Г.И.* Чувашаши Казанского Заволжья // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1911. Т. 27, вып. 5. С. 311–432.
4. *Кузнецов С.К.* Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Этнографическое обозрение. 1904. Кн. 60, № 1. С. 67–90.
5. *Кузнецов С.К.* Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Этнографическое обозрение. 1904. Кн. 61, № 2. С. 56–109.
6. *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1881. 268 с.
7. *Магницкий В.К.* Этнографическо-статистические данные о браках чуваш Казанской губернии // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 1892. Т. 10, вып. 2. С. 205–218.
8. *Малов Е.* О чувашах // Православный собеседник. 1882. Ч. 1. С. 40–73.
9. *Мирлюбов В.И.* Из быта крещеных чуваш. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1889. 19 с.
10. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 24.
11. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 30.
12. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156.

13. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177.
14. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 179.
15. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 181.
16. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 183.
17. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 184.
18. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 196.
19. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215.
20. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 266.
21. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 285.
22. Образование и христианское просвещение чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX – начале XX века: документы и материалы из фондов Н.И. Ильминского и Казанской учительской семинарии / сост., авт. вступ. статьи, археогр. предисл., примеч. Г.А. Николаев, Р.Р. Исхаков. Чебоксары: ЧГИГН; Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. 496 с.
23. Отчет Братства св. Гурия за девятнадцатый братский год, с 4 октября 1885 г. по 4 октября 1886 г. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1887. 68 с.
24. *Петров И.Г.* Брачная ночь и оповещение о невинности невесты в свадебной обрядности чувашей // Чувашский гуманитарный вестник. 2016. № 11. С. 143–158.
25. *Прокопьев К.* Брак у чуваш. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1903. 63 с.
26. *Салмин А.К.* Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.
27. Христианское просвещение чувашского народа в оценке духовных лиц: документы и материалы последней трети XIX – первых десятилетий XX вв. / сост. Ф.Н. Козлов. Чебоксары: Новое время, 2017. 416 с.
28. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Сăнавсемпе ёненĕсем. Тĕлĕксем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2009. 383 с.
29. *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: Воспоминания / вступ. статья Л.П. Куракова, археогр. предисл. Г.Н. Плечова; примеч., имен. указ. Н.Г. Краснова. М.: Республика, 1997. 696 с.

НИКОЛАЕВ ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – кандидат исторических наук, заместитель директора по науке и развитию, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (nicga50@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1443-545X>).

Gennady A. NIKOLAEV

ON THE ISSUE OF ANTISOCIAL BEHAVIOR OF THE CHUVASH PEASANTS OF THE VOLGA VILLAGE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

Key words: *Chuvash village, capitalism, young men and girls, marriage and family, cohabitation, beliefs, mythological character Esrel.*

Until 1917, part of the contemporaries attributed antisocial behavior in the family and marriage sphere to the non-Russian Volga peoples. An uncritical use of such information by some modern researchers casts a shadow on the historical past of ethnic communities. The relevance of the topic under consideration is due to the need for objective covering the daily life of multinational Volga agrarian societies.

The purpose of the study is to show the real image of relationship in young people before marriage and the behavior of spouses in family life in a Chuvash village.

Materials and methods. *The sources of the research were ethnographic notes, testimonies, memoirs and letters from contemporaries. The plots chosen for the analysis are studied by the author on the basis of applying systematic, historical-comparative and historical-anthropological approaches and taking into account the farmers perception of realities in the aspect of "friend-or-foe".*

Research results. *The article examines in detail a case related to an uncritical use by a modern researcher of subjective information contained in some historical sources about the sexual promiscuity of the Chuvash of the Volga village in the era of capitalist modernization. It provides convincing documentary material refuting such analytical constructions of the Orthodox cult servants and individual guardians of morality. Such false constructions are shown to be based on unlawful application by the zealots of Christianity of the norms of morality and morality of the monotheistic tradition to assess the realities of everyday reality of polytheists and "dualists". In the second half of the XIX – early XX century, antisocial behavior of Chuvash peasants in the family and marriage sphere was noted to be a rare*

phenomenon, although it tended to increase somewhat. Based on the evidence attracted by the author, the attitude of rural societies towards libertines appears to be harsh and intolerant. The statement about the connection of antisocial behavior of young men and girls before marriage with the traditional beliefs of the ethnic group is refuted. Edifications left to young people and married couples from the ethnic group worldview attitude are characterized as deeply moral.

Conclusions. *In the era of capitalist modernization, young people and married couples in the Chuvash village, with rare exceptions, were guided by the principles of morality and integrity in their behavior in the family and marriage sphere.*

References

1. Vasil'ev V.M. *Otnoshenie cheremis k polovoi raspushchennosti* [The attitude of the Cheremis to sexual promiscuity]. *Izvestiya obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*, 1915, vol. 19, iss. 1–3, pp. 92–115.
2. Egorova O.V. *Rodil'nye obryady i pover'ya u chuvashei* [Kindred rites and beliefs among the Chuvash]. In: Salmin A.K., ed. *Etnologiya religii chuvashei. Vypusk 1* [Ethnology of the religion of the Chuvash. Issue I]. Cheboksary, Chuvash State Institute of Humanities Publ., 2003, pp. 16–58.
3. Komissarov G.I. *Chuvashi Kazanskogo Zavolzh'ya* [Chuvash of the Kazan Volga region]. *Izvestiya obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*, 1911, vol. 27, iss. 5, pp. 311–432.
4. Kuznetsov S.K. *Kul't umershikh i zagrobnye verovaniya lugovykh cheremis* [The cult of the dead and the afterlife beliefs of meadow cheremis]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1904, book 60, no. 1, pp. 67–90.
5. Kuznetsov S.K. *Kul't umershikh i zagrobnye verovaniya lugovykh cheremis* [The cult of the dead and the afterlife beliefs of meadow cheremis]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1904, book 61, no. 2, p. 56–109.
6. Magnitskii V.K. *Materialy k ob'yasneniyu staroi chuvashskoi very* [Materials for the explanation of the old Chuvash faith]. Kazan, 1881, 268 p.
7. Magnitsky V.K. *Etnograficheskostatisticheskie dannye o brakakh chuvash Kazanskoi gubernii* [Ethnographic and statistical data on marriages of the Chuvash of the Kazan province]. *Izvestiya obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*, 1892, vol. 10, iss. 2, pp. 205–218.
8. Malov E. *O chuvashakh* [About the Chuvash]. *Pravoslavnyi sobesednik*, 1882, vol. 1, pp. 40–73.
9. Mirolyubov V.I. *Iz byta kreshchenykh Chuvash* [From the life of the baptized Chuvash]. Kazan, 1889, 19 p.
10. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 24* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 24].
11. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 30* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 30].
12. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 156* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 156].
13. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 177* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 177].
14. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 179* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 179].
15. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 181* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 181].
16. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 183* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 183].
17. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 184* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 184].
18. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 196* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 196].
19. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 215* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 215].
20. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 266* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 266].
21. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 285* [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I. Storing Unite 285].
22. *Obrazovanie i khristianskoe prosveshchenie chuvashei Volgo-Ural'ya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka: dokumenty i materialy iz fondov N.I. Il'minskogo i Kazanskoi uchitel'skoi seminarii* [Education and Christian enlightenment of the Volga-Ural Chuvash in the second half of the XIX – early XX century: documents and materials from the funds of N.I. Il'minsky and the Kazan Teachers' Seminary]. Cheboksary, 2023, 496 p.

23. *Otchet Bratstva sv. Guriya za devyatnadsatyi bratskii god, s 4 oktyabrya 1885 g. po 4 oktyabrya 1886 g.* [Report of the Brotherhood of St. Gurius for the nineteenth fraternal year, from October 4, 1885 to October 4, 1886]. Kazan, 1887, 68 p.

24. Petrov I.G. *Brachnaya noch' i opoveshchenie o nevinnosti nevesty v svadebnoi obryadnosti chuvashei* [The wedding night and the notification of innocence in the wedding ceremony of the Chuvash]. *Chuvashskii gumanitarnyi vestnik*, 2016, no. 11, pp. 143–158.

25. Prokopyev K. *Brak u chuvash* [Marriage among the Chuvash]. Kazan, 1903, 63 p.

26. Salmin A.K. *Sistema religii chuvashei* [The system of religion of the Chuvash]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 654 p.

27. *Khristianskoe prosveshchenie chuvashskogo naroda v otsenke dukhovnykh lits: dokumenty i materialy poslednei treti XIX – pervykh desyatiletii XX vv.* [Christian enlightenment of the Chuvash people in the assessment of the clergy: documents and materials of the last third of the XIX – first decades of the XX centuries]. Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2017, 416 p.

28. *Chovash khalokh pultarulokhe. Sonavsempe eneniysem. Teleksem* [Chuvash folk art. Signs and beliefs. Dreams]. Cheboksary, 2009, 383 p.

29. Yakovlev I.Ya. *Moya zhizn': Vospominaniya* [My life: Memories]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 696 p.

GENNADY A. NIKOLAEV – Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Science and Development, Chuvash State Institute of Humanities, Russia, Cheboksary (nicga50@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1443-545X>).

Формат цитирования: Николаев Г.А. К вопросу об асоциальном поведении чувашских крестьян волжской деревни во второй половине XIX – начале XX века // Исторический поиск / Historical Search. 2024. Т. 5, № 3. С. 31–42. DOI: 10.47026/2712-9454-2024-5-3-31-42.